

Научная статья  
УДК 101.1:316  
doi: 10.17223/15617793/475/3

## Статус субъекта в свете концепции социальной гетерологии

Полина Владимировна Мусиетц<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь, Россия, musietspv@gmail.com

**Аннотация.** Рассматривается проблема социального субъекта сквозь призму гетерогенности. Основное внимание акцентируется на множественности как атрибуте социальности. Обозначены основные проблемы, связанные с пониманием коллективного и индивидуального субъекта как гетерогенного феномена. Делается вывод, что для полноценного изучения социального субъекта в современных условиях необходим комплексный подход, сочетающий в себе изучение как статических, так и динамических аспектов его существования.

**Ключевые слова:** социальная реальность, социальный субъект, гетерология, гетерархия, социум, гетерогенность, множественность

**Для цитирования:** Мусиетц П.В. Статус субъекта в свете концепции социальной гетерологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 23–28. doi: 10.17223/15617793/475/3

Original article  
doi: 10.17223/15617793/475/3

## The status of social actors in line with the vision of social heterology

Polina V. Musiets<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Military Academy of Air and Space Defence named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov, Tver, Russian Federation, musietspv@gmail.com

**Abstract.** The significance of the problems under consideration determines the aim of this study – to analyze the current trends in the description of the concept of a social subject from the standpoint of heterogeneity. The object of the research is a social subject, the focus is multiplicity (heterogeneity) as an attribute of sociality. The methodological basis of the research was the general scientific methods of induction, deduction, analogy, problematization, analysis, synthesis. The theoretical basis of the article consists of the concepts of Jacques Derrida, Gilles Deleuze and Felix Guattari, Ernesto Laclau, Philippe Lacoue-Labarthe, et al. Among Russian authors, it is necessary to emphasize the importance of the works of T.Kh. Kerimov, V.E. Kemerov, A.E. Smirnov, S.A. Azarenko, E.V. Biricheva, et al. Social reality in its dynamic aspect appears as totally pluralistic, polyphonic, variable, eventual. Plurality as an attribute of sociality gives rise to a special attitude to a social subject. The problem lies in the constant incompleteness of social cognition: it is impossible to fully cognize, understand both society as a whole and a specific other person. The main conclusions are: (1) The return of philosophy to the problem of a social subject is based on new grounds that re-define it as a changeable, dynamic, heterogeneous phenomenon. The consideration of society and an individual in this perspective sets the specifics of their post-non-classical explication. (2) The rhizome polysubject nature of society does not exclude its hierarchical structure. On the contrary, in the societal space there is a complication of the network connections of hierarchies of various types. This can be expressed by the concept of the heterarchy of social being. Social reality identifies the sphere “between” as a priority, expanding its understanding from dual to polylogical, totally pluralistic. (3) The sociomatrix character of cognition calls into question the cognizability of the social in general. However, the inertia and cumulative nature of social dynamics makes local cognition possible. The process of cognizing reality can be defined through the metaphor of surfing across the “folds” of being. At the same time, the constructive moment of cognition comes to the fore: cognition is the creation of reality. (4) An individual within the framework of heterology, due to the fact that it is permanently displaced relative to itself, can be understood only through fixation in its processuality (subjectivation), alterity, heterogeneity. Social cognition and interpersonal interaction are based on the presumption of identity and the presence of a relatively stable personal and cultural basis that resists significant transformations. Therefore, the sharp opposition of statics and dynamics of being/becoming seems inappropriate: it is necessary to consider their coexistence, intersection and mutual influence.

**Keywords:** social reality, social subject, heterology, heterarchy, society, heterogeneity, plurality

**For citation:** Musiets, P.V. (2022) The status of social actors in line with the vision of social heterology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 23–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/3

Постнеклассический философский дискурс диктует собственную логику социального познания. Отход от статической картины мира, принятой в классике, приводит к концепции перманентного, принципиально незавершаемого становления социальности. Постоянно ускользающая субстанциональность общества проблематизирует возможности его осмысления, объяснения, прогнозирования дальнейшего хода исторического развития человечества. Неопределённость, неоднородность, мозаичность, процессуальность, рискованность, потенциальная незавершённость человеческого бытия детерминируют отсутствие фундаментальных опор экзистенции, бесконечную множественность, гетерогенность социальных субъектов. Аксиоматизация множественности как базисного атрибута социальности ставит вопрос о концептуализации социальной реальности в инстанции становления и, подспудно, о социальном субъекте как фрактале общества различия.

Значимость рассматриваемой проблематики детерминирует цель данного исследования – проанализировать актуальные тенденции описания концепта социального субъекта с позиций гетерогенности.

Объектом исследования выступает социальный субъект, предметом – множественность (гетерогенность) как атрибут социальности.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов. Для понимания феномена гетерогенности как атрибута социального с точки зрения постмодернизма и *after-post-modernism* (АПМ) следует обратить внимание на труды Ж. Деррида, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж.-Л. Нанси, В. Декомба, Э. Лаклау, Ф. Лаку-Лабарта и др. Среди отечественных авторов необходимо подчеркнуть значимость работ Т.Х. Керимова, В.Е. Кемерова, А.Е. Смирнова, С.А. Азаренко, И.В. Красавина, Е. В. Биричевой и других исследователей интересующей нас проблематики.

Методологической основой исследования стали общенаучные методы индукции, дедукции, аналогии, проблематизации, анализа, синтеза.

Рассматривая бытие в его процессуальном аспекте, постмодернисты подчёркивают его тотальную плюралистичность, полифоничность, изменчивость, событийность. Провозглашение «смерти автора» (Р. Барт), а вслед за ним и смерти субъекта как такового («исчезновение человека» М. Фуко, «децентрация субъекта» Ж. Лакана, «рассеяние субъекта» Ж. Деррида и др.) выражается «в отказе от артикуляции субъекта, в тотальной деперсонификации действия, являющейся как следствием постмодернистского пантекстуализма и деструкции онтологии, так и манифестацией принципа ацентризма, реализующегося в рамках программы преодоления бинаризма» [1. С. 51]. В то же время уже Фуко в своих поздних работах [2] возвращается к понятию субъекта. Эта тенденция наблюдается в дальнейшем у многих постмодернистов, в том числе у В. Декомба [3], Б. Латура [4] и др.

Множественность (англ. *multiplicite*) как атрибут социальности в её актуальном состоянии рождает особое отношение к социальному субъекту. С одной

стороны, попытки вернуть его «на сцену» носят зачастую расширительный характер и тогда субъектами оказываются в том числе и прежде всего окружающие человека вещи (Б. Латур). С другой стороны, «текучесть» современности позволяет говорить не столько о социальном субъекте, сколько о перманентно длящихся процессах субъективации (А. Смирнов). Реальную проблему в данном случае представляет и постоянная незавершённость социальных когниций: нельзя до конца познать, понять как общество в целом, так и конкретного другого человека. Налицо «ускользающая социальность»: общество всегда другое, уже не такое, как описано. Оно есть саморазличающаяся «нередуцируемая множественность», в силу чего его существование «невозможно» [5], «неразрешимо» с точки зрения его познания.

И всё же на событийном уровне общество наличествует как данность: «Если общество возможно как таковое, то только потому, что общество лишено общего (содержания) и частной формы его репрезентации» [6. С. 131]. Оно предстаёт как агломерация (констелляция) множественности, броуновское движение постоянно меняющихся частиц-индивидов. «Мы: суть каждый раз другой, каждый раз с другими» [7. С. 64]. Общество и есть со-бытие – со-существование «вместе», перманентная индифферентность, автореференциальное «бытие-с-другими», характеризующееся выставленностью к собственным границам. Множество при этом – не простое собрание сингулярностей как совместных многомерных единичностей социального бытия, а онтологическое соприсутствие различных типов порядков. Со-бытие предполагает дифференциацию гетерогенных возможностей, чистое различие, дезистентность.

Всякое сущее «всегда уже вписано в гетерологический порядок совместности» [8. С. 179]. Совместность начинается там, где есть что-то «между». Не совокупность лейбницевских монад «без окон и без дверей», а связь на основе со-бытия, бытия-вместе. При этом не важны пространственные и даже временные совпадения. Важна связь, возникающая в сфере «между» (А.С. Ахиезер), диалог как взаимопроникновение смыслов на границе между «Я» и «Другим» (М.М. Бахтин), автореференциальное *Mitsein* (Т.Х. Керимов). Сфера «Между» предстаёт как «способ описания напряжённой деятельности субъекта, нацеленной на преодоление освоенных, то есть превращённых во внутренние различия, противоречий между полюсами дуальной оппозиции» [9. С. 129] – оппозиции смыслов в амбивалентности мира, вызывающих инверсию в качестве механизма социального конструирования реальности. Разнообразие смыслов в рамках междусубъектного взаимодействия актуализирует ситуацию, когда сами индивиды предстают выражением полюсов дуальных оппозиций. В то же время дуальность здесь также может быть поставлена под вопрос: многополярность мира, децентрированность, ризомность общества, сосуществование автономных дискурсов фундируют гетерофонию, гетеродинамику социального. В таком случае следует говорить о полилоге, тотальной плюральности оппозиций, много-

образии их отношений: с-меж-ность и [или] раз-меж-вание?

Общество в таком случае полисубъектно, ризомно, номадично. Это общество различий. Для него характерны диверсификация, дискретность, сетевой характер, номадическая сингулярность, синтетическое единство многообразия. В то же время ризоморфность социальности как метафора сетевых взаимосвязей исключает иерархичность социальных структур. Действительно, в рамках актуального состояния социальной реальности невозможно выявить единый стержень, вокруг которого группируются все социальные институты и сообщества. Нет чётко выстроенной иерархии социальных субъектов. В то же время бессмысленно отрицать наличие разнообразных и множественных иерархических структур в устройстве социального. Парадигма становления не элиминирует данного положения, ссылаясь на динамический характер сущего, его постоянную изменчивость: в статике или в динамике (а чаще всего, одновременно) иерархии присутствуют в социальной жизни и детерминируют социальный порядок.

В силу этого наиболее адекватным для отражения актуального состояния социальной реальности, с нашей точки зрения, является понятие гетерархии как модели «социальной структуры, состоящей из множества иерархий, соединённых сетевыми связями» [10. С. 184]. Идея гетерархии топологизирует структуру социальной реальности, выступая виртуальной основой соприсутствия экстернорных отношений. В свою очередь, гетерогенность множества экзистенций порождает вариативность и эмерджентность социальной структуры. Индивиды и социальные группы в процессе совместных практик конструируют со-бытия различных уровней, масштабов, значимостей, которые сплетаются в различных комбинациях, детерминируют дальнейшее течение социальной жизни. Гетерархический инвариант описания задаёт нередуцируемость социальной структуры к той или иной своей части, однако предполагает дифференцированность общества как целостности, возможность достижения единства (однаправленности, когерентности векторов действий различных акторов вне зависимости от различий в их смыслах, значениях, целях, интересах и т.п.). Подобная модель не исключает ризоматичность, но также не исключает и иерархичность социальных структур, их многоуровневую сетевую взаимосвязанность друг с другом. Единого главного стержня здесь также нет, однако нет и полной бессистемности и хаотичности, аморфности в организации социального. Иными словами, гетерархическая модель, не отвергая концепт плюральности, реабилитирует в философском дискурсе АПМ идею системного характера общества.

Источник социального многообразия суть одновременно и источник социального порядка. Социальная реальность суть кумуляция действий и интенций социальных акторов различного уровня. Диалектический момент множественной социальности эксплицирован как гетеротезис: общество в снятом виде содержит в себе предыдущие стадии (свойства, качества) в их тотальной плюралистичности и рекурсив-

ности. Всё течёт («панта рей», доведённое до предела): в одну и ту же реку нельзя войти даже один раз (Кратил). Общество предстаёт в процессе постоянного конструирования, социальной (пере)сборки и трансформации. Его существование не субстанционально, а эвентуально, событийно. Это бесконечное становление социальности в потоке взаимопересекающихся отношений, сплетающихся в сложную сеть социальных (индивидуальных и групповых) интеракций.

Познание социальной реальности оказывается социематичным, однако «социематическое знание – это не знание о реальности, а знание ко-интенсивное реальности, поскольку последняя состоит из социем... реальность в социемах схватывается только через радикальную гетеро-логику отношения к отношению» [6. С. 173]. Перманентное движение между смыслами, «номадический дрейф» (Ж. Делёз) сознания по смысловым структурам и культурным системам понимается как «форма, не грозящая отчуждением партиципации, где экзистенциально-психический поток индивидуального сознания оказывается органичной формой бесконечно-текучей медиации, где ничто дискретное не принимается в качестве безусловной ценности и экзистенциально не природняется» [11. С. 585]. Процессуальность познания может быть выражена метафорой скольжения, сёрфинга по «складкам» бытия. И одновременно «знание не является нейтральным: познавать значит созидать» [12. С. 92]. Такое познание и есть утверждение социальной реальности, а не её «отражение». Концептуальному «образу» вменяется соответствие реальности (в статическом режиме представления) при неотменимом симметрическом сосуществовании ситуации не-соответствия (в становлении).

В таком случае реальность как таковая отслеживается только на основе её невозможности и недостижимости. Это говорит лишь о том, что невозможно целостное, окончательное познание социального бытия, однако не исключается возможность его познания как такового в более узком, локальном формате. Следует учитывать также инерционный и кумулятивный характер социальной динамики: консерватизм масс тяготеет к сохранению привычных условий существования, что тормозит скорость происходящих социальных трансформаций, способствует стабилизации актуального состояния социальной реальности и относительной адекватности её познания в данный конкретный момент времени. Кумулятивность, в свою очередь, детерминирует нелинейность социального развития, его зависимость от бифуркационных точек и аттракторов, диалектическое чередование непрерывности и скачка к новому качественному состоянию. Осмысление процессов, происходящих в тот или иной момент времени, выявление тенденций развития общества даёт возможность не только «зафиксировать» социальное бытие на данном временном отрезке, но и спрогнозировать с определённой долей вероятности ближайшее будущее социума.

Множественная социальность предполагает плюралистичность не только общественных отношений: здесь встаёт вопрос и о статусе индивидуального субъекта. Индивид, вступающий во взаимодействие с себе подобными, самонетождественен в каждый мо-

мент времени. Следовательно, подлинное соприкосновение в процессе коммуникации оказывается фактически невозможным: «Я» всякий раз другой, иной, не такой, как был мгновение назад. Сталкиваясь с иным человеком, индивид «застает» его также всякий раз другим. Субъект эксплицируется как сингулярность, вписанная, вовлечённая в бесконечный процесс становления, испытывающая (осуществляющая) постоянное смещение относительно себя прежнего. Он процессуализируется, предстаёт как делящаяся субъективация. Но тогда и межличностная связь есть связь между «не-тождественностями», связность в модальности экзистенции, где «Я» и «Другой» суть две стороны «складки» – связь в форме несвязности.

Бесконечное изменение элиминирует возможность познания Другого, феномен взаимопонимания как таковой. Человек оказывается «в ситуации тотальной неопределённости, один на один с проблемой поиска собственных оснований, в условиях постоянно нависающей угрозы потери себя в многообразии окружающего становления» [13. С. 13]. Подлинное глубинное понимание оказывается невозможным даже на уровне саморефлексии: всякий раз иной, изменчивый субъект может зафиксировать себя лишь в процессе становления, а следовательно, единственный атрибут, поддающийся фиксации, – собственно изменчивость, гетерогенность, перманентная альтеральность. Субъект дезистирует: «...нет экзистенции без дезистенции, нет экзистенции без альтеральности» [6. С. 160], причём дезистенция выступает как своего рода «первоначальная и конститутивная утрата самости» (Ф. Лаку-Лабарт). Дезистировать и означает – «со-держать собственную индивидуальность как инаковость», эксплицирующуюся в качестве совместности.

Одной из попыток выхода социального познания из кризиса становится рассмотрение индивида с точки зрения фрактального научно-философского мышления. Фрактал (от лат. fractus – «дробный», «разбитый») – «геометрическая фигура, слагаемая из множества частей, и каждая из этих частей повторяет всю фигуру целиком и, таким образом, состоит из своих уменьшенных копий» [14. С. 31]. Он предстаёт динамической, «растянуто-сконцентрированной» в пространстве и времени бифуркацией, утверждающей идею транзитивности. Фрактальность, выявляемая на всех уровнях бытия, характеризуется изменчивостью, синтезом дисимметрии (единства симметричных и асимметричных связей) и скейлинга («скользящего» подобия, «масштабной инвариантности»). Выступая как фрактал, человек характеризуется самоподобием (гомотетичностью), динамичностью, квазиустойчивостью, незавершённостью, проблемностью. Он предстаёт как самоорганизующаяся неравновесная система: активно взаимодействуя с окружающей социокультурной и природной средой, Другими различной степени значимости, индивид сочетает в себе потенции саморегламентации и «хаотической» свободы. Одновременно, как микрокосм, он отражает всё, что наличествует/становится в макрокосме – Вселенной. Как таковой он оказывается и непосредственным отражением общества, уменьшенной копией ко-

торого он выступает. Фрактальная концепция позволяет смоделировать процессы самоорганизации, протекающие в обществе на пересечении макро-, мезо-, микроуровней отношений. Фрактальная размерность отмечена повторением различий.

При всей эвристической ценности идеи фрактальности следует заметить и её недостатки. Прежде всего, геометрическая метафора фактически уничтожает уникальность личности: в попытке избежать редукционизма, она к нему и возвращается, делая людей неотличимыми друг от друга частичками бытия. Здесь, по всей видимости, необходимо отказаться от абсолютизации концепта «гомотетичности»: на индивидуальном уровне, принимая во внимание подобие людей на уровне общности социума, культуры и т.п., следует всё же иметь в виду их индивидуальное несходство друг с другом, бесконечную множественность личностных проявлений, на уровне социальных групп и общества в целом – не стоит забывать о свойстве неаддитивности, эмерджентности, детерминирующем различия между суммой качеств отдельных индивидов и итоговой качественной характеристикой формируемых ими социальных общностей.

Кроме того, в контексте парадигмы становления, элементом которой постулируется концепция фрактальности, наблюдается явное противоречие между самоподобием фрактала и самонетожественностью субъекта, который этим фракталом выступает. Перманентное сохранение самоподобия требует от индивида как части социального целого синхронности и однотипности в смещении относительно самого себя с другими подобными ему социальными субъектами, что противоречит тезису о гетерогенности, принципиальной разнородности и несхожести как атрибутах социальности. Следует также принимать во внимание различия линейных и нелинейных фракталов. Последние, наиболее адекватно отражающие суть социальной гетеродинамики, предстают как сложное динамическое образование, не являющееся точной копией социального целого, а соотносящееся с ним в многогранных, постоянно трансформирующихся проекциях. Человек как социальный субъект может быть соотнесён только с данным типом фрактальности.

В то же время в повседневности реальное межличностное взаимодействие происходит посредством презумпции тождества: мы априори полагаем самотождественность субъекта (как «Я», так и «не-Я»). Это условное допущение позволяет вступать в контакт, игнорируя свершившиеся изменения. К тому же абсолютизация процесса становления чревата парадоксом: создаётся впечатление ежесекундного творения мира и субъекта как его части «с нуля» – путем пересборки из имеющихся блоков в произвольном порядке. Всё же это не совсем так, поскольку в каждом индивиде наличествуют некие базисные структуры, менее подверженные изменениям: «самовоспроизводящийся инвариант на разной «глубине» раскрытия может быть существенно вариативен, при этом сохраняя узнаваемый устойчивый сущностный и топологический каркас» [15. С. 213]. Глубинное «Я», сформированное в процессе социализации, включает в себя характер человека, его главные ценностные ориен-

тации, убеждения, паттерны поведения и др. Всё это также подвержено изменениям, но не существенным, не значительным. В таком случае, идеи постмодернистов (Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.-Л. Нанси и др.) о первичности отношений, в рамках которых конституируются смыслы и социальные нормы, необходимо принимать с оговоркой: «определённая часть базовых смыслов, сохраняющихся в традиции, входит в с-мыслы текущей коммуникации» [16. С. 416]. Иными словами, отношения, в рамках которых воспроизводится социальность, не являются беспредпосылочными, а, напротив, основаны на относительно устойчивом личном фундаменте.

В обществе, по-видимому, тоже присутствует подобный базис. Он закреплён в «культурном ядре» [17. С. 137], «социальных и культурных константах бытия» [18. С. 122]. Социальные законы, обеспечивающие воспроизводство социального порядка, хоть и носят вероятностный характер, всё же вполне объективны, в силу чего возможно их использование в прогностических целях. Прогнозы не будут давать абсолютной точности, но обеспечивают возможность определять рамки будущего. Личностные и социокультурные детерминанты взаимнообусловлены и могут выступать в качестве аттракторов, определяющих дальнейшее развитие социальных систем. Фундаментальная множественность и изменчивость социального бытия несмотря на тотальность своего присутствия не элиминируют возможности метастабильного существования социальных структур. Следовательно, нецелесообразно резко противопоставлять бытие и становление: абсолютизация первого ведёт к догматизации, статичности, абсолютизация второго — к потенциализму, иллюзорности, агностицизму.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы:

1. Возврат философии к проблематике социального субъекта фундируется новыми основаниями, переопределяющими его как изменчивый, динамический, гетерогенный феномен, «динамическое онтологическое основание в модусе осуществления уникального способа бытия» [13. С. 12]. Рассмотрение общества и индивида сквозь данную призму задаёт специфику их постнеклассической экспликации.

2. Ризомный полисубъектный характер общества не исключает его иерархической структуры. Напротив, в социетальном пространстве происходит усложнение сетевых связей иерархий различного типа, что может быть выражено концептом гетерархичности социального бытия. Социальная реальность как ткань со-

бытийности, инскриптивности (вписанности сущего в порядок совместности) выделяет в качестве приоритетной сферу «между», расширяя её понимание с дуальной до полилогичной, тотально-плюралистичной.

3. Социематичность в сфере гносеологической проблематики ставит под вопрос познаваемость социального вообще. В то же время с учетом инерционности и кумулятивности социальной динамики познание в локальном смысле не только возможно, но и несёт в себе богатый эвристический и прогностический потенциал. Ко-интенсивность социематического знания реальности носит процессуальный характер и может быть эксплицирована в форме метафоры сёрфинга по «складкам» бытия. Одновременно на первый план выходит конструктивный момент когниции: познание есть созидание реальности.

4. Индивид, рассматриваемый в рамках гетерологии, в силу перманентного смещения относительно самого себя не может быть понят иначе как посредством фиксации в его процессуальности (субъективации), альтеральности, гетерогенности. Статус социального субъекта в указанной модальности вариативен и может быть охарактеризован посредством концепции фрактала как «соответствие в форме несоответствия».

5. В границах повседневности социальное познание и межличностное взаимодействие фундируются презумпцией тождества и наличием относительно стабильного личностного и культурного базиса, сопротивляющегося значительным трансформациям. В силу этого резкое противопоставление статики и динамики бытия/становления видится нецелесообразным: необходимо рассматривать их сосуществование, взаимопересечение и взаимовлияние.

Таким образом, гетерологическая парадигма как основа философского анализа социального субъекта имеет свои достоинства и недостатки. Множественность как базисный атрибут социальности задаёт канву философскому дискурсу, не только детерминируя отсутствие фундаментальных основ экзистенции и проблематизацию социальных когниций, но и определяя рамки вероятного будущего. В силу данного обстоятельства необходимо дальнейшее осмысление социального бытия в контексте его гетерархичности и гетеродинамичности. Осмысление статуса социального субъекта не должно замыкаться в границах только становленческой либо субстанциональной интерпретации: необходим комплексный разносторонний анализ данного феномена с учётом как статических, так и динамических аспектов его существования.

#### Список источников

1. Сербул А.А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. № 2. С. 51–56.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
3. Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
4. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Высшая школа экономики, 2020. 384 с.
5. Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. № 4-5. С. 54–57.
6. Керимов Т.Х. Социальная гетерология: методология и теория исследования : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1999. 256 с.
7. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. Минск : Логвинов, 2004. 272 с.
8. Смирнов А.Е. Техника как про-тезис человечности (к проблеме антропологического размыкания) // Человек.ru: Гуманитарный альманах. Новосибирск : НГУЭУ, 2014. С. 172–185.
9. Ахизер А.С. Сфера Между и её осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133.
10. Красавин И. Гетерархия множества // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 173–198.

11. Пелипенко А.А. Субъект и типы сознания современности // Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 2004. С. 571–595.
12. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2012. 307 с.
13. Биричева Е.В. Субъект как несубстанциальное основание бытия: концепция «приспособления». М. : Litres, 2017. 216 с.
14. Жусупова Б.Ж. Фрактальная парадигма социальной философии и редукционизм // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–8 (14). С. 31–33.
15. Хандогин Р.В. Фрактальность как свойство, способ и сущностная характеристика самоорганизации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 2А. С. 209–218.
16. Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 412–417. doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417
17. Медиация как социокультурная категория : институт социологии РАН, 22 февраля 2013 г. : круглый стол. Ч. 7 / А.П. Давыдов // Философские науки. 2014. № 5. С. 132–149.
18. Кутырёв В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. 325 с.

## References

1. Serbul, A.A. (2011) “Death of the subject”: philosophical and cultural analysis of the problem of the subject in the postmodern discourse. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk – Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities*. 2. pp. 51–56. (In Russian).
2. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Translated from French. Saint Petersburg: Nauka.
3. Descombes, V. (2011) *Dopolnenie k sub"ektu. Issledovanie fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to the subject. Study of the phenomenon of action from one's own perspective]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Latour, B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An introduction to actor-network theory]. Translated from French. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki.
5. Laclau, E. (2003) The impossibility of society. *Logos*. 4–5. pp. 54–57. (In Russian).
6. Kerimov, T.Kh. (1999) *Sotsial'naya geterologiya: metodologiya i teoriya issledovaniya* [Social heterology: methodology and research theory]. Philosophy Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Nancy, J.-L. (2004) *Bytie edinichnoe i mnozhestvennoe* [Being Singular and Plural]. Translated from French. Minsk: Logvinov.
8. Smirnov, A.E. (2014) Technique as a pro-thesis of humanity (to the problem of the anthropological unlocking). *Chelovek.ru*. pp. 172–185. (In Russian).
9. Akhiezer, A.S. (2009) The sphere “inter” and thinking it over. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 125–133. (In Russian).
10. Krasavin, I. (2017) Hierarchy of the multitude. *Logos*. 3 (27). pp. 173–198. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-173-195
11. Pelipenko, A.A. (2004) Sub"ekt i tipy soznaniya sovremennosti [The subject and types of consciousness of modernity]. In Sayko, E.V. (ed.) *Prostranstva zhizni sub"ekta: Edinstvo i mnogomernost' sub"ektnoobrazuyushchey sotsial'noy evolyutsii* [Spaces of the subject's life: Unity and multidimensionality of the subject-forming social evolution]. Moscow: Nauka. pp. 571–595.
12. Smirnov, A.E. (2012) *Protsessy sub"ektivatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Processes of subjectivation: socio-philosophical analysis]. Philosophy Dr. Diss. Ulan-Ude.
13. Biricheva, E.V. (2017) *Sub"ekt kak nesubstantsial'noe osnovanie bytiya: kontseptsiya "prisposobleniya"* [The Subject as a Non-Substantial Basis of Being: The concept of “adaptation”]. Moscow: Litres.
14. Zhushupova, B.Zh. (2015) *Fraktal'naya paradigma sotsial'noy filosofii i reduksionizm* [Fractal paradigm of social philosophy and reductionism]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh – Eurasian Union of Scientists*. 5–8 (14). pp. 31–33. (In Russian).
15. Khandogin, R.V. (2019) Fractality as a property, method and essential characteristic of self-organization. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2A (8). pp. 209–218. (In Russian).
16. Azarenko, S.A. (2016) Topological philosophy and social communication. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filozofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 4 (16). pp. 412–417. (In Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-412-417
17. Davydov, A.P. (2014) Round table. Mediation as a social and cultural category. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 5. pp. 132–149. (In Russian).
18. Kutyrёv, V.A. (2014) *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhizненное prostranstvo postchlovechestva)* [Philosophical image of our time (lifeless space of post-humanity)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

## Информация об авторе:

**Мусиетц П.В.** – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (Тверь, Россия). E-mail: musietspv@gmail.com

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

## Information about the author:

**P.V. Musiets**, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Military Academy of Air and Space Defence named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov (Tver, Russian Federation). E-mail: musietspv@gmail.com

**The author declares no conflicts of interests.**

Статья поступила в редакцию 07.04.2021;  
одобрена после рецензирования 17.09.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 07.04.2021;  
approved after reviewing 17.09.2021; accepted for publication 25.02.2022.